

паль изъ-за того, что слишкомъ заботился объ устойчивости кабинета Гизо и его принциповъ, вопреки настроенію общества и печати. Возможенъ другой случай: власть очутилась бы въ рукахъ людей, превосходство которыхъ было бы несомнѣнно въ глазахъ всей страны, и которые поэтому не имѣли бы надобности прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для сохраненія министерскихъ портфелей,—тогда французы не только повиновались бы авторитету правителей, но охотно признавали бы ихъ своими вождями, независимо отъ ихъ официальнаго положенія, какъ это было, напримѣръ, относительно Гамбетты. Гамбетта господствовалъ надъ Франціею въ силу естественныхъ преимуществъ великаго таланта и великой нравственной силы; онъ имѣлъ власть и во время своего добровольнаго уединенія въ Санъ-Себастьянѣ, и въ тревожные годы президентства маршала Макъ-Магона, и при смѣнявшихся кабинетахъ президентства Греви, и послѣ своего временнаго удаленія отъ дѣлъ, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, въ одинокомъ сельскомъ домикѣ. Онъ недолго былъ главою министерства, въ началѣ 1882 года; но онъ былъ столь же силенъ послѣ паденія кабинета, какъ и до того,—ибо власть его зависѣла не отъ занимаемаго имъ официальнаго поста. Пока жилъ Гамбетта, французы мало беспокоились о непрочности положенія министровъ; они знали, что за спиною этихъ переменчивыхъ дѣятелей существуетъ человѣкъ, способный въ нужную минуту отстоять интересы Франціи и возратить подобающую ей роль въ ряду передовыхъ государствъ Европы. Этого человѣка не стало, и нація лишилась авторитетнаго предводителя, признаваемаго одинаково всѣми партіями. Устойчивость достигается сама собою во Франціи, когда появляется геніальный дѣятель, не имѣющій равносильныхъ соперниковъ; французы подчиняются только могуществу ума и характера, а не случайнымъ посредственностямъ, стоящимъ въ данную минуту у власти, благодаря тѣмъ или другимъ парламентскимъ комбинаціямъ,—и это исканіе властной руки политическаго генія нельзя считать большимъ недостаткомъ. Гамбетта не оставилъ достойнаго преемника, и пока такой преемникъ не явится, шатаніе правительства будетъ продолжаться неизбежно. Почему стали бы французы дорожить прочностью Ферри, когда есть Фрейсинъ, и почему они должны держаться Фрейсинъ, когда рядомъ существуютъ и Флокé, и Клемансó, и Гоблé, и Буланжé, и многіе другіе, не менѣе талантливые кандидаты? Всякія жалобы на неустойчивость министровъ кажутся намъ праздными рѣчами при такомъ положеніи дѣлъ.

Неустойчивость обнаружилась и въ Англіи въ послѣдніе годы,—и по той же самой причинѣ, что и во Франціи. Нѣтъ прежнихъ